

УДК 821.16

*Т.Б. Панкратова***ВОЕННАЯ ПРОЗА В.А. КУРОЧКИНА**

Виктор Александрович Курочкин принадлежит к поколению писателей-фронтовиков, является одним из ярких представителей «лейтенантской прозы». Его повести и рассказы не были обойдены вниманием критики, но тем не менее его творчество практически не исследовано, так как в советские годы он нередко шел против линии партии и всегда оставался верен своим взглядам, не соглашаясь на компромиссы, поэтому его старались не печатать и не замечать. Однако его творчество давно и прочно вошло в художественное наследие писателей-фронтовиков. В статье рассматривается военная проза Виктора Александровича Курочкина в контексте творчества писателей его поколения, роль его произведений в литературном процессе и в «военной прозе», выявляются их особенности и новаторство. Рассматриваются стилистические приемы и межтекстовые связи его произведений о войне, в том числе и в малоизвестных военных произведениях писателя, что расширяет представление о его творчестве. В статье обосновывается значимость и оригинальность военной прозы Виктора Курочкина.

Ключевые слова: Виктор Александрович Курочкин, произведения о войне, писатели фронтового поколения, «лейтенантская проза», образ героя, юмор в произведениях о войне, дети и юноши на войне, подвиг, сила духа, победа.

Творчество Виктора Александровича Курочкина давно и прочно вошло в художественное наследие писателей-фронтовиков. Его повести и рассказы не были обойдены вниманием критики. О нем написана книга С. Панферова «Земля и небо Виктора Курочкина: Литературный портрет в интерьере из четырех повестей». Ему посвящены статьи Р. Мессер, Г. Горышина, В. Конецкого, Г. Нестеровой-Курочкиной, П. Басинского, С. Федякина и других. Его книги рассматривали в своих рецензиях В. Кожин, С. Орлов, В. Дягелев, Ю. Манн и многие другие. При этом до сих пор не было обобщающей исследовательской работы, хотя очевидно, что такой серьезный разговор о творчестве В.А. Курочкина необходим, так как оно сыграло значимую роль в литературном процессе 1950–1960-ых гг. Именно это обстоятельство и обусловило наше внимание к его наследию. В данной статье мы обратимся к обзорному анализу военной прозы писателя с целью выявления ее специфики, а также определения места прозы Курочкина в осмыслении темы войны. В современном литературоведении Курочкина очень часто называют автором одной повести – «На войне как на войне». О ней писали многие критики и литературоведы: А. Елкин, В. Кожин, А. Бочаров, В. Щербина и др. Наиболее объективными на наш взгляд стали оценки Александра Яшина: «Ваша книга станет в ряд лучших художественных произведений мировой литературы о войне, о человеке на войне. К тому же это очень русская книга» [9. С. 114]; и уже в наше время Павла Басинского: «Эта повесть не просто единственная в своем роде, но и единственно возможная в этом роде. Она словно написана сама собой, без авторской воли. Читая ее, забываешь об авторе и историческом контексте. О ней можно сказать словами Вадима Кожина (высоко оценившего Курочкина еще при жизни): «это не литература, говорящая о жизни, но жизнь, говорящая о самой себе» [2. С. 343–344]. Развернувшаяся полемика привлекла к этой повести внимание и отчасти затенила другие произведения писателя. В данной статье хотелось бы изменить это, обосновав значительность и других произведений писателя, а также взаимосвязь и эволюцию его «военных» произведений.

Военная тема занимает особое место в произведениях писателей поколения В. Курочкина и в литературном процессе 1950–1960х гг. Литературу писателей фронтовиков часто называют «лейтенантской прозой». Исследователи отмечают поразительное сходство основных сюжетных линий, существенных психологических характеристик, свойственных фронтовой прозе этого поколения. Л. Якименко писал: «Героическая интонация, скрытая патетика долга, преодоление трагизма ситуации, обжигающая правда психологических переживаний, быт войны во всех ее реалиях, устремленность к правде придавали произведениям этого поколения солдат-писателей особые черты. Они открывали нравственную биографию молодого человека, проходящего на войне трудную школу жизни, перед лицом смерти проверяющего многие социальные и нравственные ценности» [12. С. 120–130]. Заметила об этом и С. Хачемизова: «Храбрость и трусость, честь и бесчестие, верность долгу и предательство – эти и другие нравственно-психологические проблемы являются главным лейтмотивом в произведениях писателей-фронтовиков. <...> Именно непосредственный горький опыт писателей, прямых участников и свидетелей тех страшных событий, делает их произведения исповедью с наиболее богатым, реалистичным взглядом на войну» [11].

Однако, во многом совпадая с основными тенденциями «лейтенантской прозы», Курочкин выделялся среди писателей-баталистов, в ряду которых можно назвать Ю. Бондарева, Г. Бакланова, К. Воробьева и других.

Цикл произведений о войне у В. Курочкина начинается не с повестей, как у многих из них, а с маленького рассказа «Маринка» («Неравный бой» в более поздней редакции), опубликованного в 1964 году в «Звезде», в котором сразу предстали боевые будни: грязь, неразбериха, отвалившаяся у танка выхлопная труба, раненный осколком майор. Все это видели так часто, что уже привыкли и перестали обращать внимание. Рассказ начинается так, как часто начинались воспоминания фронтовиков: «Это случилось весной 1944 года. Войска 1-го Украинского фронта наступали в страшную распутицу...» [5. С. 91].

Курочкин без отступлений переходит к событию: сразу бросается в глаза образ маленькой девочки, которая босая, полуодетая, бежит предупредить о наступлении немецких танков. Ребенок становится символом мира, который усиливает антивоенный пафос произведения.

У Курочкина всегда интересен и важен символический план. Например, немецкие танки сравниваются с удавом: «... вытянулась колонна фашистских танков. Она напоминала огромного удава. И пока машины двигались, серый удав лениво шевелился и злобно плевался огнем» [5. С. 92]. Очень точный образ гигантского удава, пугающего одним своим видом. Образ змея – это образ зла, традиционно побеждаемого в русских народных былинах и сказаниях. Таковым злом и являются для русской земли фашистские захватчики.

Писатель сказал о самом главном: о несовместимости человека и войны на примере судьбы девочки: «– Нету у меня папы. Они убили. А мама не ходит – ноги у нее отнялись» [5. С. 92].

Сама же война воплощена в трех подвигах танкистов. Сначала одна тридцатьчетверка борется против колонны немецких танков, но лейтенант выбывает из строя. Вместо него в танк садится майор. Сержант, свидетель этого боя, восклицает: «– Товарищ майор, куда вы? – попытался удержать его сержант. – Едемте отсюда скорее. Все равно не задержать их. Только зря погибнем» [5. С. 92].

Уже в первом своем рассказе В. Курочкин обращается к осмыслению подвига на войне. При этом не используя никакой патетики, также просто и буднично будет описывать подвиг и в дальнейшем. Справедливо заметил об этом С. Федякин: «И в самых трудных для прозаика эпизодах, когда, кажется, невозможно обойтись без пафоса, – у Курочкина не найдем никакой патетики, никакого героического "форте"» [10. С. 7].

Майор подбивает головной танк и погибает сам: «Машина медленно сползла с бугра. Сержант бросился к ней. С трудом он вытащил майора и перенес на спине в песчаный карьер. Положив его, сержант снял шапку и укоризненно проговорил: – Зачем же вы меня не послушали, товарищ майор? Что же я теперь делать буду?

– Дяденька Саша, ему очень больно? – всхлипнула Маринка и вытерла кулаком слезы.

– Нет, ему уже не больно, – ответил сержант» [5. С. 93].

Как мы видим, В. Курочкин владеет чеховской краткостью, трагедия гибели здесь передается им в нескольких предложениях, в которых даже нет самого слова смерть, объяснение ребенку усиливает трагизм происшедшего. Сержант, в начале сомневавшийся, видя гибель майора, тоже совершает подвиг. Ценой своей жизни он отрезает дорогу танкам, спасая тем самым Маринку и ее маму.

Категория справедливости важна для В. Курочкина. Он не изображает немедленного возмездия или наказания отрицательных героев, а лишь показывает справедливое равновесие добра, которое может проявляться по-разному. Все погибшие отдали свои жизни ради святого, праведного дела, и этим снимается всякая грязь, несправедливость, иногда нечестность военных реалий, которая часто преобладала во многих произведениях писателей поколения В. Курочкина. Так, Ю. Бондарев, Г. Бакланов часто задавались вопросом о напрасных смертях, и в поздних своих произведениях все больше обвиняли командование и уверялись в том, что можно было снизить потери. Многие произведения посвятили антисталинской теме, видя в неверной политике и репрессиях причину всех бед, и тем самым утяжелили свои произведения, увели читателя от главного. В. Курочкин же не ищет виновных в трагедии, этим горю не поможешь, он пишет, как было в жизни, и это оказывается глубже любой горькой философии, свойственной многим произведениям тех лет.

У Курочкина один неравный бой – это вся Великая Отечественная война. Здесь и подвиг, и бой, и победа, и смерть, и вдовы, и сироты. В военной литературе 1950–1960-ых гг. преобладал жанр повести, а рассказы (например, «Красное вино победы» Е. Носова, или «Сотников» В. Быкова) были

гораздо больше по размеру и по сути также тяготели к жанру повести. Поэтому этот небольшой рассказ Курочкина так интересен и оригинален.

Следует заметить, что в данном рассказе обозначилась неповторимость В. Курочкина во взгляде на войну, представленную в разных ее ликах. Курочкин уравнивает в композиции произведения темное, войну, светлым, достигая тем самым гармоничности, свойственной классическим произведениям, и при этом не теряя реалистичности, серьезности темы. В данном рассказе таким светом выступает в первую очередь сама девочка, они с мамой остаются жить, наши военные побеждают, да и смерть героев не выглядит мрачной, скорее вызывает гордость и восхищение. Кроме того, удивительно душевное, добродушное, жалостливое отношение к девочке, увидев ее босой, майор берет ее на руки, просит отнести домой, сержант дает ей сахара, и сама Маринка искренне переживает за них. «– Как, это опять ты?! – удивился майор. – Угу, – кивнула девочка. Но, увидев его строгое лицо, залепетала: – А мне теперь не холодно. Во, посмотри, – и она показала бежевые от глины полусапожки, обутые на босу ногу, и весело похлопала по плюшевому пальтишку, сшитому из старенького жакета. Майор улыбнулся: – Ах ты, непоседа!» [5. С. 92]. Таким образом, несмотря на смерть, страшные военные реалии, в рассказе есть надежда на продолжение жизни и радость победы.

Именно из этого рассказа вырастает повесть «На войне как на войне», опубликованная в «Молодой гвардии» в 1965 году и ставшая визитной карточкой военной прозы В. Курочкина. Начинается она также просто, как начиналась «Маринка» и многие другие произведения 1950–1960-х гг.: «Двадцать четвертого декабря 1943 года Первый Украинский фронт перешел в наступление» [4. С. 21].

Интересно, что именно на Первом Украинском фронте воевал и сам Курочкин. Многие в повести было навеяно собственными воспоминаниями писателя о войне. А Саню Малешкина нередко называют автобиографичным персонажем, что довольно характерно для писателей поколения В. Курочкина. Они в первую очередь воплотили в литературе именно свои воспоминания о войне. Вероятно, для поколения фронтовиков литературное творчество стало своеобразной формой психотерапии, инструментом «психологической реабилитации», позволяющим им заново переосмыслить события прошедших лет. «Для них стало неизменно необходимым актуализировать, пережить вновь воспоминания о войне, выступить в роли творца, переигрывающего и переживающего заново драматические ситуации личной судьбы, которые нельзя было изменить в реальности; компенсировать чувство вины перед памятью павших, подарить им новую судьбу и обессмертить их в произведениях» [11]. Многие из них даже сохраняли имена своих персонажей или изменяли незначительно, использовали посвящение. Так В. Курочкин посвятил повесть «На войне как на войне»: «Незабвенному другу Ванюше Кошелкину» (первому командиру самоходки, которой впоследствии командовал Курочкин, жене Курочкин говорил, что это была первая смерть, которую он увидел на войне. В действительности они участвовали в одном бою 31 декабря 1944 г., Курочкин был ранен и отправлен в госпиталь, а Иван Кошелкин погиб 2 февраля 1945 г., Курочкин узнал о его смерти после возвращения из госпиталя¹); Г. Бакланов – своей матери, погибшим братьям и всем, кто не вернулся с войны; Ю. Бондарев – медсестре стрелкового полка и т. д.

И хотя повествование у В. Курочкина в повести «На войне как на войне» ведется в третьем лице, мы как будто бы слышим голос самого Сани, словно это он рассказывает нам о своих мыслях, чувствах и невзгодах. Настолько впечатляюще автор использует приемы субъективации, например, прием внутренней речи: «Он с тоской размышлял о том, отчего ему так не везет в жизни. Все над ним насмеяются, подтрунивают, что ни случись в полку – все сразу почему-то вспоминают Малешкина. До чего дошло – карты ему не дали! Всем хватило, даже командиру автоматчиков, а командиру машины, основной боевой единицы в полку, не досталось. А зачем этому автоматчику карта? Ведь он со своим взводом только и делает, что штаб охраняет» [4. С. 25].

Саня Малешкин, как и сам писатель, принадлежит к тому поколению мальчишек, которые мечтали попасть на войну, мечтали о подвигах, они были юны и чисты душой, и даже в войне им виделась романтика. «На войне, – сетует писатель, – младшему лейтенанту Малешкину пока что ужасно не везло» [4. С. 22]. То есть Сане Малешкину еще не удалось выпустить по немцу ни одного снаряда, не удалось совершить подвига, при переправе осколком снаряда его машине обрубил часть пушки, а ведь он переправлялся первым и мог бы стать героем, из-за этого-то он и переживает больше всего, и

¹ Эти интересные факты разыскала в архивах Татьяна Конечкая, вдова писателя Виктора Конечкого, близкого друга В.А. Курочкина.

думает, что ему ужасно не везет. Такой парадокс, фронтовик старшего поколения счел бы это везеньем, а Саня еще слишком молод, чтобы понять это. Именно здесь впервые в повести проявляется ирония. В. Курочкин первым использует юмор в прозе о войне, именно эта повесть позволит и другим писателям не отказываться от юмора в произведениях о войне, благодаря этой повести юмор, до этого присущий солдатскому фольклору и лирике, будет появляться и на страницах серьезной трагической прозы о войне, как то мы можем заметить в последующих произведениях Б. Васильева, В. Кондратьева и др. Разумеется, юмор и его проявления в разных произведениях будут различны, ирония, отличающая произведения В. Курочкина, является неповторимой особенностью стиля писателя.

В наши дни сложно представить военную литературу без юмора, даже авторы, пишущие о Чеченской войне, как, например, З. Прилепин, не обходятся без юмора, так как юмор – необходимая психологическая потребность человека в трудной жизненной ситуации, а тогда именно за юмор ругали повесть В. Курочкина больше всего.

Случай с выкуриванием майора Дядечки, описанный в повести «На войне как на войне», комичный и запоминающийся. Здесь мы видим оригинальный, тонкий, добродушный юмор Курочкина. Такой случай сложно выдумать, наверняка, Курочкин почерпнул его из своего военного прошлого. Это целый, законченный анекдот, которых в повести Курочкина много. Например, Курочкин упоминает довольно распространенное явление во время войны, женщины, чтобы хоть что-то узнать о своих мужьях и сыновьях, гадали на картах: «А вот Наталья Силина гадала на своего Егора, так ей выпала вся черная карта. Она два дня выла дурным голосом. Потом Егор письмо прислал, что теперь служит в похоронной команде» [4. С. 73]. Запоминающийся образ солдата Громыхало, тоже своего рода анекдот: «На левом фланге переминался с ноги на ногу солдат в непомерно широкой и длинной шинели. Если бы не огромная шапка над воротником, из-под которой выглядывала остренькая мордочка с черными глазами, можно было бы подумать, что шинель сама стоит на снегу <...>

– Откеля ты?

– Из Подмышки.

– Откуда? – удивленно протянул Домешек.

– Из деревни Подмышки Пензенской области, – пояснил солдат» [4. С. 94-95].

Однако это вовсе не говорит о том, что это юмористическая повесть, как именовали ее многие критики. Напротив юмор необходим Курочкину, чтобы уравновесить то грустное, серьезное и страшное, что всегда бывает на войне. Юмор Курочкина делает повесть светлой, несмотря на ее трагичность, он служит необходимым контрастом. Произведения о войне писателей поколения В. Курочкина, как правило, лишены этого света, они тяжелые, грустные своей беспросветностью и безысходностью, поэтому и читать их трудно и печально, повесть же В. Курочкина удивительно легко читается, и, несмотря на трагический конец, оставляет светлое впечатление. Это отмечают многие его критики, в том числе П. Басинский: «Виктор Курочкин – гениальный русский писатель. Под гениальностью я имею в виду пушкинское понимание гения. Это отсутствие нарочитости, мучительности. Проза Курочкина тиха и беззлобна. Чиста, как родниковая вода, в которой даже самый опытный химик не обнаружит посторонних элементов» [1]. Ю. Бондарев, Г. Бакланов, К. Воробьев и др. все же видели своих героев через пережитое лихо, и потому, наверное, им не удалось воссоздать это юношеское восприятие войны, какое было у них в первые дни на фронте, кроме того они были отягчены философией, обидой на виноватых. О. Кожухова, автор «Первого снега» и «Двум смертям не бывать», тогда сетовала: «Мы сейчас забываем, что на войне мы были юными. А в юности даже мрачные вещи выглядят весело. Этого нельзя никому забывать. Ипохондрия многих сегодняшних повестей – это уже следствие послевоенных лет, это черный светофильтр на объективе, через который некоторые из нас оглядываются на прошлое» [7. С. 253].

В. Курочкин вводит в литературу о войне нового героя. В чем-то смешного, нелепого, неуверенного в себе, еще ничего не узнавшего толком в этой жизни, обычного мальчишку, которых было миллионы, и которые выиграли войну. Малешкин не Александр, не Сашка, как потом будет у Кондратьева, а именно Саня, так по-простецки, ласково. Курочкин подчеркивает этим, что его главный герой совсем еще ребенок, взросление его души происходит постепенно на протяжении всей повести, он становится героем. Начало боя развенчивает его юношеские мечтания, похожий прием писатель использует в повести «Короткое детство», которая выйдет позже повести «На войне как на войне». Вероятно, именно эта тема взросления через войну, намеченная здесь, была интересна и важна для Курочкина, поэтому он обратился к ее исследованию в следующей своей повести. Ведь война отобрала у детей и юношей са-

мое дорогое, то чистое, наивное состояние души, которое бывает только в детстве, и которое играет важную роль в ряду главных жизненных ценностей писателя, его мировоззрения.

Для литературы 1950–1960-х гг. эта повесть стала открытием, она разрушила стереотипы и типаж, рассказала правду о войне и о поколении самого писателя. Практически все представители так называемой «лейтенантской прозы» были молодыми на войне, но написать Малешкина получилось только у Курочкина.

Писателю было тяжело расстаться со своими героями, и он взялся за предысторию повести «На войне как на войне» – «Товарищи офицеры». Героем ее становится уже знакомый нам Пашка Теленков. Курочкин так и не закончил это произведение, откладывал, правил, не хотел печатать, вышли «Товарищи офицеры» уже после его смерти, благодаря вдове писателя, Галине Ефимовне Нестеровой-Курочкиной.

«Время действия в главе «Товарищи офицеры» предшествует периоду, изображенному в повести «На войне как на войне». Курсанты танкового училища окончили спешное (по условиям военного времени) обучение и с минуты на минуту ждут приказа командования о присвоении им офицерского звания и отправки на фронт» [б. С. 422].

Появляется и Саня Малешкин, и здесь он мечтает о войне, о подвигах:

«– Что, Малешкин? Боишься, что без тебя до Берлина дойдут? – спросил Теленков. – А пока мы тут сидим, и дойдут... От Курска до фашистского логова осталось – раз плюнуть, – наивно ответил Саня. – И какого черта мы тут сидим?.. Кончили учиться, сдали экзамены... А там без нас и войну прикончат» [б. С. 425]. Эти мысли, присущие молодым ребятам, многие из которых остались в нашей памяти героями и стали прообразами литературных персонажей, не покинут Саню и в повести «На войне как на войне» и приведут его к подвигу. Курочкин не изменяет своего героя, особенности его характера, мельчайшие детали, привычки, уже знакомые нам по повести «На войне как на войне», что делает образ Малешкина целостным. Попав на фронт, он такой же, простой, бесхитростный паренек. Мы узнаем его сразу, даже если бы Курочкин не назвал фамилии, Малешкин – герой, который уже живет сам по себе, и второго такого нет. Пашка Теленков совсем другой, эту разницу в их характерах, воспитании, мыслях, мечтах, Курочкин неспроста все время подчеркивает. Теленков круглый отличник, его портрет висит на Доске почета, он уверен в себе, умеет командовать, знает, у кого попросить табак или горсть изюма, его уважают.

Курочкин здесь также обширно использует иронию, тем самым предавая легкость повествованию, акцентируя внимание на юности своих героев, несмотря на постоянный голод и тяжелые условия пребывания, они шутят, смеются, ссорятся из-за девушек, нет гнетущего осознания тяжести предстоящей отправки на фронт, напротив им по молодости хочется попасть туда поскорее, совершить подвиги, они завидуют побывавшим на фронте, они еще не видели реальности войны. Эти приметы своего поколения фронтовиков Курочкину удалось показать очень точно.

Курочкин мастерски рисует характеры своих героев, при помощи все той же иронии и незначительных деталей создавая яркие образы. Буквально в нескольких предложениях рассказывая о целой судьбе: «Кличку Птоломей он получил, как только появился в училище. И не столько за свой вид, сколько за свои причуды. В первые дни учебы вместо уставов и наставлений он читал на занятиях Спенсера с Гегелем. Сперва ему за это дали пять суток простого ареста, потом десять – строгого. Но «губа» не отучила его от страсти к философии» [б. С. 424].

Отрывок «Товарищи офицеры» прежде всего интересен еще и тем, что теперь мы видим события и героев повести «На войне как на войне» глазами Пашки Теленкова. Таким образом, перед нами повествование о судьбе двух главных героев, Малешкина и Теленкова, данное с двух точек зрения, два первых лица, что позволяет говорить о романной структуре. Если бы Курочкин закончил это произведение, повесть «На войне как на войне» могла бы стать частью романа, которые в то время как раз начинают появляться у писателей-фронтовиков. Это и «Горячий снег», и «Июль 1941-го», и «Танки идут ромбом» и многие другие.

Не закончил Курочкин и военную повесть «Железный дождь», которая также имела возможность стать романом и должна была содержать 12 подвигов солдата, по количеству наград главного героя Сократилина, но Курочкин успел написать только два. Речь идет о самом начале войны, что уже нетипично для литературы 1950–1960-х гг. Интерес к этой теме в литературе о войне как раз только начал появляться, примерно в это же время выходит «Брестская крепость» С. Смирнова, позже появится «Война» И. Стаднюка, «В списках не значился» Б. Васильева, обратится к началу вой-

ны и Г. Бакланов в «Июле 1941» и многие другие. Кроме того, перед нами уже не только воспоминания самого Курочкина, что было характерно для лейтенантской прозы, но и фронтовика другого поколения, не офицера, а простого солдата, это уже совершенно иной ракурс.

В начале повествования Курочкин вводит уже привычный для литературы 1950–1960-х гг. образ рассказчика, который был характерен и для его деревенской прозы. Но при этом по ходу действия делает отступления от первого лица: «– Просишь рассказать какой-нибудь интересный случай?! – Богдан Аврамович усмехнулся. – А что ж интересного – взрывать деревенский мостик, без которого крестьянину ни туды ни сюды?... Впрочем, изволь. Был такой случай» [6. С. 182]. До этого повествование шло в третьем лице. К примеру, у А. Бека в «Волокаламском шоссе», когда ведет рассказ Баурджан задействовано всегда первое лицо, а потом в разговоре первое лицо переходит к рассказчику. Курочкин решил это иначе. Первый рассказ (первый подвиг) описан в третьем лице, а во втором он переходит в первое, и мы уже слышим речь Богдана, его рассказ. Затем повествование снова возвращается к третьему лицу. Это интересный композиционный ход, позволяющий с одной стороны сохранить исповедальность повествования, а с другой увидеть происходящее со стороны. Подобные композиционные приемы, конечно же, говорят о романной структуре произведения.

События в повести идут по нарастающей, создается нагнетание обстановки, напряжение. Курочкин первым добавил в военную литературу приключенческий накал новеллы. Сначала все спокойно, герой радуется своей службе в армии, потом его неожиданно отправляют на польскую границу, начинается война, бои, плен, побег и т. д. Повесть отличается постоянной динамикой сюжета, захватывающими событиями, приключениями героев. Курочкин первым ввел это в литературу о войне, и многие критики не приняли этого новшества. Но в последствие этот прием становится все более популярным, и достигнет апогея в огромном количестве экшенов на военную тему в кино, где это востребовано и по сей день.

Стоит заметить, что динамичная сюжетная линия также отражает сказовость повествования, живой рассказ Богдана, где он, конечно, обращается к ключевым событиям. В «Железном дожде» воссоздается солдатский сказ, органично передана лексика рассказчика, часто используются вводные слова, восклицания, диалект, междометия: «На роду-то мне, видимо, было завещано генералом, а может, и самим маршалом быть. А жизнь судила иначе. Четверть века отдал армии, а выше старшины не дослужился. Богдан Аврамович посмотрел на меня, горестно покачал головой и чмокнул губами. – Вот так-то, брат!...» [6. С. 112]. Мы слышим живую речь Богдана, однако никакой специальной стилизации здесь нет. Заметил это и Олег Михайлов: «Привлекателен самый ее [повести] лад: не лубочный, не грубо стилизованный, но воистину простонародный, этакая беседливая вязь, сдобренная метким и ядреным солдатским юморком» [8. С. 94].

Интересны и сами фигуры бойцов, с которыми столкнет фронтовая жизнь Богдана Сократилина. Одним из таких бойцов был баптист Добрянский. На вопрос: «– Почему же к своим бежать не хочешь?», отвечает: «– А мне все равно, что свои, что чужие. Я баптист и воевать не собираюсь» [6. С. 147]. Также не обычен и образ татарина Кугушева, ведь были в литературе о войне и казахи, и грузины, и украинцы, и многие другие. Но Кугушев не хочет воевать, он думает лишь о своем доме и поет песни.

Одной из частых тем в произведениях о войне были раздумья и размышления человека о родине. Курочкин здесь близок к Твардовскому: «– Я тебе по-своему, по-простецкому скажу. Родина – это моя деревня Петушиха. Мой дом в три окна под соломенной крышей, овин, около овина береза, из которой я гнал соковку» [6. С. 148]. Именно это восприятие своего дома как всей России, и стало главной движущей силой, помогающей солдатам подниматься в бой в самых, казалось бы, ужасных, нечеловеческих условиях, и стоять насмерть.

Не теряет Курочкин и уже полюбившейся черты своей военной прозы. Даже в плену юмор помогает героям оставаться людьми. Объясняя факт воровства у немца пистолета среди белого дня, Левцов говорит: «– Руки у меня такие. Мамаша очень восхищалась ими. Помню, посмотрит, бывало, на мои руки и скажет: «Отрубить их мало» [6. С. 149]. Ведь и в плену человек пытается выжить, и самое страшное пасть духом, а от этого, как верно подметил Курочкин, спасает только юмор. Даже после страшного боя, появляется юмор, на этот раз как защитная реакция после пережитого. «– Ну как, Лапкин, самочувствие? – спросил Богдан. Лапкин открыл рот и прошамкал что-то непонятное. – Боже! Да где же твои зубы? – воскликнул Сократилин. – В шадниче, – прошамкал Лапкин» [6. С. 206]. В «Железном дожде» мы видим уже несколько иной юмор, солдатский, но тем не менее он не саркастический, а скорее ироничный, беззлобный. Подчас именно ирония помогает герою выбраться из самых затрудни-

тельных обстоятельств. Кроме того, герой вспоминает пережитое, иронизировать над происшедшем все же легче, что опять же отражает сказовый строй произведения. Да и ироничность, присущая образу автора, характерна для прозы Курочкина.

Курочкин один из немногих в своих военных произведениях уделял огромное место красоте природы: «Цвела земляника, цвела рябина, и черника цвела с можжевельником. А одуванчик уже отцвел. Из желтой корзинки он превратился в дымчатый пузырь и готовился при попутном ветре разбросать по свету свое бесчисленное потомство» [6. С. 173]. На войне некогда было замечать красоту природы, но Курочкин, как и другие писатели-фронтовики, вышедшие из деревни, не мог пройти мимо. И, кроме того, в этом есть и другой смысл, философский, природа живет сама по себе, по своим законам, человек не создает ее, но уничтожает войной. Природа у Курочкина всегда живая, словно еще один герой произведения, действующий, очеловеченный, все это есть у него и в деревенской прозе, и даже скорее идет именно оттуда, ведь Курочкин начал свой путь в литературе именно с деревенской прозы.

Особого внимания заслуживает язык повести. М. Бахтин отмечал: «Громадная работа художника над словом имеет конечную целью его преодоление, ибо эстетический объект вырастает на границах слов, границах языка как такового... Художник освобождается от языка в его лингвистической определенности не через отрицание, а путем имманентного усовершенствования его: художник как бы побеждает язык его же собственным языковым оружием, заставляет язык, усовершенствуя его лингвистически, превзойти себя самого» [3. С. 280]. Наиболее ярко проявляется подобное освобождение от языка у Курочкина именно в этой его последней повести. Нет ничего лишнего, точен каждый звук, язык очень прост, и в то же время его совсем не ощущаешь, произведение читается на одном дыхании, и каждое слово настолько слито в единую композицию, что невозможно разобрать его на составные части, выбросить из контекста. Нет никаких отвлеченных приемов, лишних описаний, только напряженное дыхание вместе с героем. Четкие, почти не распространенные предложения, которые словно сами по себе издают звуки, отражают чувства: «Реку и мост спеленали серые сумерки. Темным пятном маячил танк. И было очень тихо. Тишину разодрал рев мотора. Танк ринулся к мосту. <...> Могилкину стало до ужаса страшно. Он закрыл глаза и сквозь рев мотора услышал сначала слабый треск, а потом грохот. Все смешалось – и рев, и треск, и грохот» [6. С. 177]. Или же любовная сцена: «Богдану Аврамовичу стало жарко, перехватило дыхание. Рука, сжимавшая древко косы, онемела. Она приблизилась вплотную, и Сократилин задрожал, ощутив ее крепкую грудь, коса выпала из руки и жалобно звякнула» [6. С. 197]. Заметим, что в этом Курочкин очень близок к Пушкину, перед нами классическая проза. Да, конечно, Курочкин во многом своеобразен, далек от тем и времени Пушкина, более подробен, как замечал в одной из своих статей С. Федякин, сравнивая его прозу с пушкинской. Но сам склад, стилистика невероятно близки.

В «Железном дожде» Курочкин выходит на новый уровень стилистики военной прозы, яркий, необычный, эта последняя повесть вершина творчества Курочкина, в ней по максимуму раскрываются уже найденные особенности писательского мастерства, в частности, оригинальная ирония, следование классической линии литературы, и в то же время появляются совершенно оригинальные стилистические приемы.

В рамках статьи сложно осветить все особенности военной прозы писателя, однако, на наш взгляд, нам удалось выявить основные и кратко рассказать обо всех военных произведениях писателя, исключая разве что повесть «Короткое детство», которая повествует о деревенских детях во время войны, однако военных действий в этой повести нет, события разворачиваются глубоко в тылу, главными становятся дети с их внутренним миром и жизнь деревни во время войны, по этой причине повесть сложно отнести только к военному циклу произведений писателя и она выходит за рамки данной статьи.

Произведений о войне у Курочкина, по сравнению с писателями его поколения, немного, но все они, каждое по-своему, оказались значимы для литературного процесса. Курочкин дольше Ю. Бондарева, Г. Бакланова и др. писал о деревне, и несколько позже них обратился к военной тематике, однако первые же его вещи стали значительными не только в его творчестве, но и в литературе тех лет.

Как мы видим из вышеизложенного, Курочкин автор не одной известной повести о войне, как часто несправедливо его представляют в современном литературоведении, но и других произведений, в которых он также сделал много открытий, и которые, к сожалению, до сих пор не были оценены критикой должным образом.

Военная проза Курочкина, в отличие от писателей его поколения, обладает внутренним светом. Курочкину удалось сохранить главное – священность, праведность этой войны. Он справедливо считает, что главным оружием в этой войне оказался дух, который не смогли сломить в русских воинах никакие зверства фашистов. Это внутреннее превосходство, которое у Курочкина и в деревенской прозе является основополагающим, закономерно становится главным и в военных произведениях.

Таким образом, вклад Виктора Курочкина в военную литературу весьма значителен и оригинален. Достижения Курочкина в военной литературе опережали свое время и способствовали ее развитию, его военные произведения проложили дорогу новым произведениям о войне и стали основой современной военной литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басинский П. На войне как на войне. Российская газета. № 6966 (98). 09.05.2016. URL: <http://rg.ru/2016/05/09/pavel-basinskij-viktor-kurochkin-genialnyj-russkij-pisatel.html>.
2. Басинский П. Орден Виктора Курочкина // Ясная Поляна, 1997. № 2. С. 342-349.
3. Бахтин М.М. К эстетике слова // Контекст. 1973: Лит.-теорет. исслед. М., 1974. № 1. С. 280.
4. Курочкин В.А. Повести и рассказы. Л.: Худож. лит., 1978. 400 с.
5. Курочкин В. Маринка. Рассказ. Звезда, 1964. № 2. С. 91-93.
6. Курочкин В. На войне как на войне. Повести, рассказы. / Сост. Г.Е. Нестеровой-Курочкиной. (Библиотека журнала «Знамя»). М.: Правда, 1990. 480 с.
7. Леонов Б. Русская литература о Великой Отечественной войне. Очерк пережитого дважды. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2010. 496 с.
8. Михайлов О. Верность. Родина и литература. М.: Современник, 1974. 256 с.
9. Нестерова-Курочкина Г. Долгое эхо оборванных струн... СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2010. 160 с.
10. Федякин С. Искусство Виктора Курочкина // Курочкин В. На войне как на войне: Повести // СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 5-16.
11. Хачемизова С. Проза фронтового поколения 60–70-х годов // Вестн. Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/proza-frontovogo-pokoleniya-60-70-h-godov>.
12. Якименко Л. На дорогах века. Актуальные вопросы советской литературы. М.: Художественная литература, 1973. 366 с.

Поступила в редакцию 20.04.17

T.B. Pankratova

WAR PROSE BY V.A. KUROCHKIN

Victor Aleksandrovich Kurochkin belongs to the generation of war veteran writers; he is one of bright representatives of the "lieutenant prose". His stories and shot stories haven't been ignored by critics, but nevertheless his work is hardly investigated. The matter is that in the Soviet years he quite often went against the policy of the Communist party and always remained uncompromising and faithful to his own views; therefore, his works were not published and pretended not to be noticed. However his works has become an integral part of the heritage of war veteran writers. The article considers the war prose by Victor Aleksandrovich Kurochkin in the context of works of writers of his generation, the role of his works in the literary process and in the "war prose"; it reveals the features and innovation of his creativity. The article deals with stylistic methods and intertextual connections of his works about war including little-known war stories, which expands the idea of his creativity. The author gives proof of the importance and originality of war prose by Victor Kurochkin.

Keywords: Victor Aleksandrovich Kurochkin, works about war, war veteran writers, lieutenant prose, a human image of the hero, humour in works about war, children and young men in the war, origin of a feat, strength of mind, a victory.

Панкратова Татьяна Борисовна, соискатель,
кафедра новейшей русской литературы
ФГБОУ ВО «Литературный институт
имени А.М. Горького»
123104, Россия, г. Москва, ул. Тверской Бульвар, 25
E-mail: Terraincognita-825@yandex.ru

Pankratova T.B., applicant
at Department of the latest Russian literature
Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Tverskoy Boulevard st., 25, Moscow, Russia, 123104
E-mail: Terraincognita-825@yandex.ru